

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Приговор Нюрнбергского Трибунала и ответственность физических лиц за международные преступления

*Егоров С.А.**

70 лет назад, 1 октября 1946 г. в германском городке Нюрнберг Международный военный трибунал (МВТ) вынес приговор в отношении главных нацистских военных преступников европейских стран оси. В статье говорится о том влиянии, которое приговор нюрнбергского трибунала оказал на становление института ответственности физических лиц за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Подчеркивается прямая связь международной преступности с криминализацией общественно опасных деяний на уровне национального законодательства и в сфере международного права.

Показаны результаты криминализации международно-противоправных деяний в первые послевоенные годы, в связи с учреждением в 90-е гг. прошлого века Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и по Руанде, а также в связи с принятием Римского Статута Международного уголовного суда.

Ключевые слова: Международный военный трибунал; преступления против мира; военные преступления; преступления против человечности; геноцид; Нюрнбергский процесс; приговор нюрнбергского Трибунала; институт ответственности физических лиц за международные преступления; криминализация общественно-опасных деяний.

Начало октября 1946 г. в Нюрнберге было ознаменовано важным событием – по завершении своей работы Международный военный

* Егоров Сергей Алексеевич – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России. tempora2010@yandex.ru.

трибунал (МВТ) вынес приговор в отношении главных нацистских преступников.

Трибунал был учрежден в соответствии с Лондонским соглашением, подписанным 8 августа 1945 г. представителями СССР, США, Великобритании и Франции. Тогда же был принят Устав Трибунала в качестве приложения к Соглашению. До начала процесса соглашение пополнилось еще 19 государствами-участниками.

Оказавшимся на скамье подсудимых высшим руководителям фашистской Германии, согласно выдвинутым против них обвинений, грозило суровое наказание за подготовку, развязывание в нарушение международных договоров, и ведение агрессивных войн, что в совокупности составляло преступление против мира. Им предстояло также ответить перед трибуналами за участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих и других преступлений.

В статье речь идет о международных преступлениях, представляющих собой общественно-опасные деяния, совершаемыми в связи с войнами и вооруженными конфликтами.

Созданию Международного военного трибунала во многом способствовала последовательные усилия дипломатии Советского Союза, который уже в первые месяцы войны выступил с идеей организации международного судебного органа в целях осуществления справедливого возмездия и наказания фашистских главарей.

Напомним о некоторых документах, принятых в связи с этим, учитывая их важное значение для формирования юридических предпосылок учреждения органа международного правосудия, каковым по окончании войны стал МВТ.

Это, прежде всего, заявление СНК от 14 октября 1941 г., в котором говорилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии». Уже в нотах Советского правительства от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных зонах и ответственности германского правительства и командования за эти преступления» указывалось, что вся ответственность за совершаемые

гитлеровцами преступления ложится на фашистских правителей и их пособников. Документы были направлены всем странам, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, и преданы широкой гласности.

Особое политико-правовое значение имело подписание в Москве 30 октября 1943 г. руководителями СССР, США и Великобритании Декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, ставшее важным этапом на пути к достижению Лондонского соглашения, хотя, как известно, руководители США и Великобритании долгое время высказывались за внесудебное наказание нацистских главарей, предлагая просто расстрелять их без суда и следствия.

В Декларации провозглашалось, что все германские офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, виновные в зверствах, убийствах, массовых казнях или в истреблении населения, «будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законом этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Таким образом, Декларация 1943 г. установила не только принцип ответственности гитлеровских преступников, но и принцип их подсудности. В то же время в отношении главных нацистских преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом, было принято решение об их наказании «согласно совместному решению правительств союзников»¹.

Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории эффективным опытом осуждения лиц, виновных в совершении беспрецедентных по своей жестокости преступлений, масштабы которых вышли далеко за пределы одного отдельно взятого государства.

Однако отношение к этому учреждению международной уголовной юстиции до сих пор остается не однозначным.

Критики Нюрнбергского процесса убеждены, что произошедшее в Нюрнберге не что иное, как утверждение права победителей чинить суд над побежденными, пример проявления юридического произвола. На отрицание юрисдикции МВТ еще в ходе его работы были направлены попытки стороны защиты доказать, что Трибунал представлял собой суд *ex post facto* (с обратной силой), отправлявший правосудие в нарушение принципа *nullum crimen, nulla poena, sine lege* (нет преступления, нет наказания, если на момент преступления оно не было квалифицировано законом).

Конечно, было бы преувеличением воспринимать свершившееся 70 лет назад в Нюрнберге в качестве раз и навсегда установленного эталона правосудия. С другой стороны, нельзя согласиться с утверждениями тех, кто ставит под сомнение саму легитимность Нюрнбергского процесса, его решений и приговора.

Необходимо напомнить, что в 20-30-е гг. государствами был принят ряд международно-правовых актов, составивших определенную юридическую основу для осуществления судопроизводства в Нюрнберге. Например, положения о квалификации определенных деяний как международных преступлений были закреплены еще в Гаагских конвенциях 1907 г., Статуте Лиги Наций и Версальском договоре 1919 г., Женевском протоколе 1924 г. о мирном разрешении споров и Договоре об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г., Женевской конвенции 1929 г. и ряде других международно-правовых актов.

В связи с этим в приговоре МВТ подчеркивается, что нормы Гаагских и Женевских Конвенций вследствие их однозначного восприятия сообществом государств, следует рассматривать в качестве неотъемлемой части международного права, обязательной для всех субъектов этой системы права, независимо от их участия или неучастия в этих договорах. В приговоре было убедительно показано, что те договорные и обычнo-правовые нормы, в нарушении которых обвинялись подсудимые, обрели для Германии обязательный характер до того как были нарушены.

На наш взгляд, формально-юридическая оценка природы МВТ и его итогов полезна и необходима, но явно не достаточна для всеобъемлющей объективной оценки социально-политической и исторической важности Трибунала, а также его значения для теории и практики международного права.

Работу Нюрнбергского, как, впрочем, и Токийского трибуналов необходимо рассматривать с учетом сложившейся к тому время в мире особой морально-психологической и социально-политической атмосферы всеобщего возмущения злодеяниями нацистов и требованиями сурового наказания для них.

На основе тщательного анализа огромного массива свидетельств преступлений, совершенных нацистами до и во время Второй мировой войны, нюрнбергский Трибунал пришел к заключению, что многие из них были настолько циничны и столь немыслимо чудовищны по своему характеру и масштабам, что не могли получить адекватной международно-правовой квалификации и криминализованы заблаговременно.

Касаясь вопроса о том, почему до начала Второй мировой войны многие деяния, касающиеся, в частности, фундаментальных прав человека

не были предусмотрены международным правом, необходимо заметить, что, как правило, активизация нормотворческой деятельности в сфере права вооруженных конфликтов представляет собой ответ на уже свершившиеся злодеяния, обусловленные, среди прочего, количественными и качественными изменениями в средствах и методах ведения войны, уничтожением новых объектов и институтов социальной инфраструктуры (е.g. атомные электростанции), чреватými исключительно опасными последствиями, прежде всего, для гражданского населения.

Интенсификация кодификационных мероприятий в указанной отрасли международного права наблюдалась до и особенно после завершения обеих мировых войн, а также в 70-80 гг. прошлого века после череды войн и вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Африке и др. Формирование правосознания и практика нормотворчества, в силу известных свойств человеческого сознания в той или иной степени отстают от потребностей международно-правовой криминализации опасных действий участников войн. Вообразить заранее вероятность возникновения каких-либо криминогенных проблем в условиях современных войн становится все сложнее.

В связи с этим уместно привести слова Ш. Бассиони, который касаясь событий 1932-1945 гг., писал: «Факты, которые положили начало «преступлениям против человечности», были столь непредвиденно варварскими и столь значительными, что никакой определенной положительной нормы международного права, определенно покрывающей все ужасные деяния, которые были совершены в этот период времени нацистским режимом, не существовало. Просто это была ситуация, когда факты вышли за пределы того, что установило международное право. Вследствие того, что они были столь очевидно незаконны по своей природе, закон просто не упоминал такие злодеяния определенно. Действительно, закон редко ожидает невероятного»².

Выработка, согласование и принятие соответствующего нормативного материала неизбежно затянули бы открытие судебного процесса на неопределенное время. Организаторы процесса не пошли на это, учитывая уровень негодования мирового сообщества по поводу преступных действий нацистов в ходе войны и требований их скорого и сурового наказания. Этим, в частности, объясняется, почему Трибунал был вынужден, вводя в свой Устав некоторые новые нормы, отступить от принципа классического права «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» – нет преступления, нет наказания, если на момент преступления оно не было квалифицировано законом. По этим причинам Трибунал – поскольку судили побежденных, в том числе, победители, – явился исторически мотивированным

исключением из классического юридического принципа «*nemo judex in causa sua*» – никто не может быть судьей в своем собственном деле³.

При всей неоднозначности политико-правовых оценок, учреждение, работа и непосредственно приговор МВТ имеют непреходящее значение для теории и практики международного права и, прежде всего, для подтверждения и дальнейшего развития института ответственности физических лиц за международные преступления.

Нюрнбергский процесс подтвердил и дал мощный импульс дальнейшему наполнению этого института нормативно-правовым содержанием. В его приговоре отмечалось, что «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»⁴.

Здесь уместно упомянуть о специальных положениях, сформулированных Уставом Нюрнбергского Трибунала и закрепленных Комиссией международного права в 1950 г. как «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала». Кратко их содержание сводится к следующему.

Уголовная ответственность должна наступать для любого лица, совершившего деяние, криминализованное международным правом, даже если в национальном законодательстве за это деяние не предусмотрено уголовного наказания. Глава государства или какое-либо ответственное лицо правительства не пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции в случае совершения международно-противоправного деяния. Не освобождается от ответственности по международному праву и тот, кто имея возможность сделать осознанный выбор, тем не менее, исполнил преступный приказ. При этом любому человеку, который обвиняется в совершении международно-противоправного деяния, должно быть обеспечено право на справедливое расследование его дела в уголовном суде с надлежащим учетом фактических и юридических обстоятельств. Для наказания таких лиц может применяться механизм отправления как международного, так и национального правосудия.

В ходе своей первой сессии Генеральная Ассамблея ООН единогласно постановила, что вышеупомянутые принципы являются неотъемлемой частью международного права⁵. Это не только способствовало становлению института международной уголовной ответственности физических лиц, но и во многом определило развитие целых отраслей международного права: права применяемого в период вооруженных конфликтов, международного права прав человека и др.

Во многом благодаря этому в международно-правовой теории и уголовной судебной практике (международной и национальной) сложилось твердое убеждение об индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества, непосредственно связанной с преступной деятельностью государства, вследствие чего для последнего наступает международная ответственность. Иначе говоря, ответственность физических лиц, в отличие от ответственности государств, не является по сути своей международно-правовой. В сфере международного права могут находиться основания уголовной ответственности физических лиц.

Существенно важным явился вклад МВТ в международно-правовую криминализацию таких противоправных деяний, составивших сферу его предметной юрисдикции, как преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Лица, совершившие названные преступления, неукоснительно подлежали уголовному наказанию.

Если военные преступления, связанные с нарушением норм права вооруженных конфликтов, были в той или иной мере уже криминализованы Гаагскими конвенциями и декларациями 1899 и 1907 гг., то преступления против мира и человечности впервые в истории были криминализованы в Уставе Международного военного трибунала.

Фактор криминализации определенного деяния имеет существенное значение в контексте осуществления международного правосудия. МВТ и его приговор существенным образом активизировали работу на международном и национальном уровнях по криминализации деяний, представляющих особую общественную опасность.

По аналогии с национальным правом, под криминализацией в области международного права, очевидно, следует понимать признание государствами отдельных деяний, совершаемых как в мирное, так и в военное время опасными для общества, признание их преступными и уголовно наказуемыми, а также закрепление, прежде всего в договорно-правовой форме, определенных признаков составов таких преступлений.

В первые послевоенные годы именно через отбор и криминализацию особо общественно-опасных деяний пошел процесс дальнейшего укрепления института индивидуальной ответственности за международные преступления.

Одним из первых нормативно-правовых кодификационных актов, криминализировавших относительно новый вид общественно-опасного деяния, стала принятая в 1948 г. конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Этот вид тяжчайшего преступления имеет своего рода «генетическую связь» со ст. 6(с) Устава МВТ, согласно которой «преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Геноцид не следует смешивать с другими видами противоправных действий, неизбежным следствием которых является массовое истребление людей, поскольку целью его совершения является не просто убийство одного человека или группы людей, а физическое уничтожение какой-либо совокупности лиц, объединенных признаком принадлежности к определенной национальной, этнической, расовой или религиозной группе, как это определено в конвенции.

Специфика состава преступления, свойственная такому международному преступлению, как геноцид обуславливает необходимость решения довольно сложной задачи, связанной с доказыванием в суде наличия у обвиняемого умысла уничтожить, полностью или частично, какую-либо из вышеупомянутых групп населения. Для квалификации геноцида как преступления не имеет определяющего значения, было ли оно совершено в период вооруженного конфликта (внутригосударственного или международного) или в отсутствии такового. В любом случае на государствах лежит обязанность принимать меры предупреждения и наказания за его совершение.

В конвенции о геноциде 1948 г. закреплено общепринятое определение этого преступления, согласно которому под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. В соответствии со ст. 3, наказанию подлежат следующие деяния: а) геноцид; б) заговор с целью совершения геноцида; в) прямое и публичное

подстрекательство к совершению геноцида; d) покушение на совершение геноцида; e) соучастие в геноциде.

Что касается преступления против человечности, то оно, по всей видимости, нуждается в дополнительных кодификационных мероприятиях, прежде всего, для выработки его единообразного определения. Так, при совпадении перечней преступных деяний в Уставах Международных трибуналов по бывшей Югославии (ст. 5) и по Руанде (ст. 3), достаточно различными оказываются социально-политические обстоятельства, в которых они совершаются или их квалифицирующие признаки. В первом случае требуется наличие вооруженного конфликта, будь то международного или немеждународного, а во втором – подсудными Трибуналу являются лишь те лица, которые совершили преступления против человечности «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам». Вместе с тем, не вызывает возражений то, что преступления против человечности подверглись криминализации в международном праве и подлежат уголовному преследованию на международном или национальном уровне.

Состоявшаяся в 1949 г. в Женеве Дипломатическая конференция, посвященная вопросам кодификации и прогрессивного развития международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов⁶, явно под влиянием приговора и других документов МВТ, возложила на государства обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективного уголовного наказания для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения, сформулированные в каждой из четырех принятых на конференции конвенций. Они также обязаны разыскивать виновных и привлекать их либо к собственному суду, либо выдавать их, в соответствии с принципом: «*Aut dedere, aut judicare*» («Либо выдай, либо суди»). Криминализация ряда общественно-опасных деяний путем квалификации их в качестве серьезных нарушений стало новеллой в сфере «Женевского права».

Серьезными нарушениями, общими для всех Женевских конвенций 1949 г., являются преднамеренное убийство, пытки или негуманное обращение, преднамеренное причинение чрезмерных страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью. К другим серьезным нарушениям отнесены, в частности, уничтожение или присвоение имущества, принуждение покровительствуемого лица служить в вооруженных силах противной стороны, лишение такого лица права на беспристрастное и нормальное судопроизводство. Аналогичную категорию преступлений

составляют незаконное депортирование или перемещение, незаконный арест покровительствуемого лица и взятие заложников и др.⁷

В Дополнительном протоколе I (ДП I) к Женевским конвенциям список «серьезных нарушений» был дополнен противоправными действиями, характерными для сферы «Гаагского права», такими, например, как нападения на гражданских лиц и объекты, пользующиеся защитой в соответствии с ДП I. Предусмотрено также наказание за преступное бездействие. Особая ответственность возлагается на военачальников. Подтверждение в ДП I возможности выдачи виновных преступников государству, на территории которого было совершено противоправное деяние, подчеркивает важность взаимопомощи государств в вопросах судопроизводства по соответствующим уголовным делам.

Рассмотренные международно-правовые акты, криминализируя серьезные нарушения и обязывая государства осуществить законодательные мероприятия в целях обеспечения возможности осуществления уголовного наказания за такие деяния, тем не менее, не определяют, ни каких-то конкретных мер наказания, ни специфические черты соответствующего судебного учреждения.

ДП I содержит важное положение, приравнивающее «серьезные нарушения упомянутых выше документов к военным преступлениям», снизившее остроту споров, связанных с выяснением соотношения между серьезными нарушениями и военными преступлениями. При этом авторы документа придали первым новое дополнительное значение, заключающееся в том, что при их совершении наступают уголовные последствия в соответствии с международным правом.

Другими словами, если первоначально нормы о серьезных нарушениях понимались как международные обязательства по введению в действие соответствующих норм внутригосударственного законодательства, то с принятием ДП I серьезные нарушения приобрели новое, дополнительное, значение как международные преступления, аналогичные военным преступлениям.

Результаты этой кодификационной нашли свое отражение в уставных документах трибуналов *ad hoc* и в Статуте МУС.

Так, Устав МУТ для бывшей Югославии разделил два рассматриваемых нами вида противоправных действий, разместив серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. в ст. 2, а нарушения законов или обычаев войны, т.е. военные преступления – в ст. 3, что свидетельствует об их равнозначности. В ст. 4 Устава МУТ по Руанде серьезные нарушения связаны со ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола II к ним⁸. В соответствии со ст. 8 (2)(а) Статута МУС,

серьезные нарушения приводятся в качестве одной из категорий военных преступлений, что является еще одним свидетельством того, что серьезные нарушения теперь включены в категорию военных преступлений.

Инициированная во многом приговором МВТ тенденция укрепления института ответственности физических лиц по международному праву за счет международно-правовой криминализации наиболее общественно-опасных деяний, не ослабевает⁹, несмотря на сложность этого процесса, как об этом свидетельствуют попытки криминализации таких деяний, как международный терроризм, агрессия и др.

Что касается Международного уголовного суда, то с его учреждением квалификация военных преступлений, преступления геноцида и преступления против человечности получили дальнейшее существенное развитие. Имеется в виду, в частности, состав каждого из указанных преступлений (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), наличие которого позволяет квалифицировать конкретное деяние как преступление. С принятием Римского Статута МУС институт индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления пополнился также принципами отправления международного уголовного правосудия, содержащимися в его части 3 «Общие принципы уголовного права».

Речь идет о следующих положениях: никакое лицо не может быть судимо дважды за одно преступление (*non bis in idem*) (ст. 20); нет преступления без законного наказания (*nullum crimen sine lege*) (ст. 22); нет наказания без закона (*nulla poena sine lege*) (ст. 23); отсутствие обратной силы закона (ст. 11, 24); индивидуальная уголовная ответственность (ст. 25); презумпция невиновности (ст. 66); исключение из юрисдикции несовершеннолетних (ст. 26); недопустимость ссылки на должностное положение (ст. 27); ответственность командиров и других начальников (ст. 28); неприменимость срока давности (ст. 29) и др¹⁰.

The Verdict of the Nuremberg Tribunal and Individual Responsibility for International Crimes (Summary)

*Sergei A. Egorov**

70 years ago, on October 1, 1946 in the small German town of Nuremberg, the International Military Tribunal (IMT) issued a verdict against the major Nazi war criminals of the European Axis. The article refers to the impact that the verdict of the Nuremberg Tribunal had on the establishment of the institute of responsibility of individuals for crimes against peace, war crimes and crimes against humanity. It stresses the direct link to international crime criminalization of socially dangerous acts at the level of national legislation in the sphere of international law.

The results of the criminalization of internationally wrongful acts in the early post-war years as well as in connection with the establishment in the 90th years of the last century of the International Criminal Tribunals *ad hoc* for the former Yugoslavia and for Rwanda, as well as in connection with the adoption of the Rome Statute of the International Criminal Court are shown.

Keywords: International Military Tribunal; crimes against peace; war crimes; crimes against humanity; the Nuremberg trials; the sentence tribunal; genocide; the institution liable.

¹ Цит. по: Без срока давности. – М., Мысль, 2006. – С. 61.

² Цит. по Возникновение и развитие доктрины преступления против человечности. – Режим доступа: <http://mybiblioteka.su/4-110638.html>. [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

³ См.: В. Зорькин. Нюрнбергский процесс и современные проблемы международной уголовной юстиции. – Режим доступа: <http://voozl.com/material/protsess-i-problemyi-ugolovnoy-yustitsii> [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 14.12.2015.

⁴ См.: Ответственность за военные преступления против человечества: сборник документов. – М., 1969. – С. 42.

⁵ См.: Резолюцию 95(1) от 11 декабря 1946 г.

⁶ Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право. Дисс... доктора юрид. наук. – М.: ДА МИД России, 2000.

* Sergei A. Egorov – Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Chair of the Diplomatic Academy of Russia, Permanent judge of the International Criminal Tribunal for Rwanda (2003-2010). tempora2010@yandex.ru.

⁷ См.: Егоров С.А. Ответственность за нарушение норм права вооруженных конфликтов. – Режим доступа: <http://bfveteran.ru/pravo/722-otvetstvennost-za-narushenie-norm-prava-vooruzhennykh-konfliktov.html?showall=1> [Электронный ресурс]. – Дата обращения: 15.12.2015.

⁸ Егоров С.А. Международный уголовный трибунал по Руанде // Право и жизнь. Независимый научно-правовой журнал. – 2014. – № 192. – Июнь. – С. 133-164.

⁹ Егоров С.А. Гибридные (смешанные) трибуналы и суды // Международное право и международные организации. – 2014. – № 3. – С. 470-481.

¹⁰ См.: Валеев Р.М, Курдюков Г.И.. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. – М.: Статут, 2010. – 624 с.